

Пайдаланған әдебиеттер тізімі:

1. Протагор. Фрагменты. - М.: Наука, 1990.
2. Сократ. Диалоги. – Алматы: Жазушы, 2005.
3. Аристотель. Сочинения: В 4 т. - М.: Мысль, 1983.
4. Блаженный А.. Исповедь. - М.: АСТ, 2000.
5. Роттердамский Э. Похвала глупости. - М.: Республика, 1994.
6. Декарт Р. Рассуждение о методе. - М.: Наука, 1994.
7. Есім Ғ. Хакім Абай. - Алматы: Атамұра, 1994.
8. Есім Ғ. Қазақ философиясының тарихы. - Алматы: Раритет, 2006.

УДК: 130.2:316.32

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Гаппасова Айман Галымжановна
Казахский агротехнический исследовательский университет имени
С. Сейфуллина,
старший преподаватель кафедры философии, Астана, Казахстан

XXI век характеризуется беспрецедентным ускорением процессов, объединённых под общим понятием «глобализация». Этот феномен существенно выходит за рамки экономической и политической интеграции и представляет собой сложное социально-философское явление, которое оказывает глубокое и часто противоречивое воздействие на культуру и духовные ценности. Глобализация - это не только рост международной торговли или распространение западной поп-культуры, она также представляет собой коренную трансформацию основ социального бытия, времени и пространства. Социолог Энтони Гидденс предлагает одно из самых содержательных теоретических оснований для понимания этого процесса, превосходя чисто экономические интерпретации и раскрывая его многомерную природу.

Гидденс определяет глобализацию как «интенсификацию всемирных социальных связей, которые связывают отдалённые локальности таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за многие мили, и наоборот» [1, с. 64]. Это определение не сводит влияние к односторонности, оно подчёркивает диалектическую взаимосвязь глобального и локального. По Гидденсу, глобализация не представляет собой нечто новое по своей сути, напротив, она является продолжением и радикализацией процессов модерна. Двигателями этого процесса он называет четыре институциональных измерения современности. Первое — капитализм (как система накопления капитала в условиях конкурентных рынков труда и товаров), который по природе своей стремится к глобальному расширению. Второе — индустриализм (трансформация природы и создание «искусственной среды»), ведущее к глобальному разделению труда и распространению технологий. Третье — контроль (мониторинг информации и социальный надзор), проявляющийся в системе национальных государств, защищающих свои границы и суверенитет. Четвёртое — военная мощь (контроль над средствами насилия в условиях индустриализации войны), что приводит к формированию мирового военного порядка.

В условиях глобальных трансформаций эти измерения превращаются в мировую капиталистическую экономику, международное разделение труда, систему национальных государств и мировой военный порядок. Этот всесторонний каркас перестраивает все аспекты жизни — от работы государств и корпораций до индивидуального жизненного опыта и порождает процесс, который Гидденс называет «обществом высоких рисков и высоких возможностей» [2, с. 4–6] и «дедраматизацией традиции» или «детрадиционализацией» [3, с. 12–15]. В традиционных обществах традиция выступала безусловным авторитетом, дававшим готовые ответы на вопросы о том, как жить, во что верить и как строить отношения. Традиция означала «всегда так было», и не требовала обоснований. Глобализация разрушает эту очевидность. Подвергая локальные культуры множеству альтернативных образов жизни, она выводит традицию из статуса бесспорного регулятора и принуждает её к толкованию. Традиционные практики — брак, религия, политическое участие перестают быть единственно возможными сценариями и становятся лишь одним из множества «образов жизни», требующих выбора и оправдания.

Этот процесс неизбежно порождает необходимость рефлексивности. Рефлексивность - постоянный процесс, при котором индивиды и социальные институты в свете новой информации и изменяющихся условий вынуждены анализировать и пересматривать свои практики и убеждения. Как пишет Гидденс, «где традиция отступает и доминирует выбор стиля жизни, единство личности должно формироваться и воссоздаваться на более активной основе» [3, с. 65]. Идентичность перестаёт быть готовым наследием от предков и превращается в «рефлексивный проект», требующий постоянной работы.

Именно в этом контексте следует рассматривать вызовы, стоящие перед казахской культурой. Проблема состоит не в сохранении обрядов и артефактов как таковых, а в том, чтобы в мире, где прежние основания больше не обладают полной надёжностью, сознательно и целенаправленно реконструировать идентичность. Это мир «искусственных рисков» (от экологических до финансовых), где прежние гарантии стабильности и безопасности требуют нового конструирования.

Если теория Гидденса помогает понять внешние силы, трансформирующие традиционные общества, то для осмысления внутренних ресурсов ответа на эти вызовы необходимо обратиться к философским традициям каждой конкретной страны. В казахстанском контексте одним из ключевых мыслителей, предложивших глубокое осмысление традиции в условиях современности, выступал философ Толеугазы Абжанов. Его работы, в особенности «Феноменология казахского духа», предлагают убедительную альтернативу представлению традиции как устаревшего и архаичного феномена.

Основной тезис Абжанова заключается в том, что традиция не является реликтом и не есть «тьнь прошлого», она — «живая сила», которая в современности может возродиться и вести общество в будущее. Такой подход прямо противопоставляется как консервативной стратегии, стремящейся к сохранению традиции в неизменном виде, так и модернистской стратегии, объявляющей её пережитком. Для Абжанова традиция — динамический феномен, непрерывный процесс передачи и переосмысления духовного опыта из поколения в поколение [4].

Его феноменологический подход позволяет рассматривать традицию не как совокупность внешних правил или ритуалов, а как глубинную структуру сознания — способ бытия в мире, формирующий мировоззрение народа и обеспечивающий его духовную целостность. В этом смысле сохранение традиции — не простая охрана культурного наследия, а формирование стратегического основания для будущего развития общества. Традиция выступает гарантом социальной стабильности, создавая общий смысловой горизонт, в пределах которого возможна полноценная жизнь и развитие как индивида, так и сообщества.

Этот подход является сильным философским ответом на проблему «детрадиционализации», обозначенную Гидденсом. Феноменология Абжанова по существу представляет собой противостояние против разрыва социальных связей по пространственным и временным осям, который Гидденс рассматривает как один из главных симптомов современной эпохи. Глобализация своей скоростью коммуникаций и мировой экономикой отчуждает индивида от его близкого окружения и делает его жизнь зависимой от отдалённых и абстрактных сил. Ответ Абжанова заключается в том, чтобы через понятие «дух» стремиться вновь привязать личность к смысловому континууму истории, природы и общности. Его акцент на преемственности поколений, духовной связи с предками и гармонии с природой — это попытка восстановить те связи, которые разрушает модерн. Таким образом философия Абжанова предлагает локальный ответ на универсальную проблему «бездомности» и утраты корней, показывая путь к устойчивой идентичности в мире, где традиционные опоры размываются.

В центре феноменологии Абжанова находится анализ системы духовных ценностей, составляющих ядро казахского духа. Эти ценности не являются лишь абстрактными моральными предписаниями, они формируют фундаментальные структуры жизненного мира, определяющие социальные, этические, экзистенциальные и даже экологические измерения бытия. Ценности солидарности (взаимопомощи, единства) и коллективности исторически служили механизмом социальной организации, укрепляли общинное сознание и помогали людям преодолевать исторические трудности. Они основывались на взаимопомощи и семейных связях и формировали общество. Справедливость, уважение к старшим и гостеприимство регулировали межличностные отношения и создавали гармоничную социальную конструкцию, основанную не только на правовых нормах, но и на глубинных морально-этических принципах. Философские размышления о жизни, смерти и бесконечности в кочевой культуре вырабатывали уникальное мировоззрение, сочетавшее признание ограниченности земного бытия и веру в бессмертие духа. Это давало человеку ощущение глубокой связи с природой, обществом и трансцендентным началом. В экологическом измерении

уважение к природе занимает особое место: в казахском мировоззрении природа не воспринимается как ресурс для эксплуатации, а выступает священным источником жизни и гармонии. Такое отношение к земле и воде формировало глубокую экологическую мудрость.

По мнению Абжанова, эти духовные ценности не просто критерии бытия индивида, они являются факторами, формирующими историческую судьбу народа. Они создают философскую картину целого мира, именуемую «казахским духом». В эпоху глобальных трансформаций актуализация и обновление этой аксиологической основы становятся не только задачей сохранения культурной памяти, но и условием полноценного участия в цивилизационном диалоге и главным условием сохранения национальной идентичности. В таком прочтении традиция перестаёт быть ношей прошлого и становится компасом для движения в будущее.

Советский период можно охарактеризовать как эпоху системного «отрицания» казахской культуры: многое игнорировалось либо представлялось в виде экзотики и фольклора, лишённого философской глубины и исторической субъектности. В этой перспективе возрождение интереса к традиционным ценностям, языку и истории после обретения независимости не сводится к простой ностальгии. Напротив, оно представляет собой значимый политический акт, направленный на исправление исторической несправедливости и утверждение подлинной, самостоятельно определяющейся идентичности на мировой арене. Такое возрождение следует понимать не только как внутренний культурный процесс, но и как фактор, воздействующий на структуру глобального цивилизационного порядка и международной политики. В связи с этим аналитическая перспектива С. Хантингтона (пусть и спорная) остаётся полезной призмой для оценки внешнеполитических последствий культурно-цивилизационных трансформаций [5].

Хантингтон полагал, что после завершения идеологического противостояния между коммунизмом и либерализмом мир вернётся в состояние, характеризующееся противостояниями между крупными культурно-цивилизационными блоками, он отмечал, что зоны контакта (особенно между Западом и исламским миром) способны стать фокусами острых конфликтов. Эта теза (включая скандальную формулировку о «кровавых границах») даёт аналитическую рамку для размышлений о внешнеполитических рисках, но её прикладное применение требует критического уточнения [6, с. 29-68].

В конкретном казахстанском контексте было бы редуционистски сводить возрождение традиций исключительно к «исламскому возрождению» или к автоматическому повороту от Запада к религиозной идентичности: такая интерпретация упускает институциональные и прагматические меры, которыми руководствуется государство. Казахстан сознательно избрал многовекторную внешнюю политику, направленную на баланс и сотрудничество со всеми ключевыми акторами — модель, прямо противостоящая идее неизбежного цивилизационного столкновения [7, с. 94-109].

На внутреннем уровне приоритет мирного межэтнического и межконфессионального сосуществования также расходится с тезисом о неминуемом конфликте: традиционные ценности (гостеприимство, взаимопомощь) продвигаются как средства создания мостов между сообществами, а не как барьер-идеология. Реализация политики признания культурного многообразия выступает как «иммунная» стратегия, уменьшающая уязвимость общества к радикальным и конфликтогенным нарративам.

С философской точки зрения важно отметить, что устойчивое сосуществование цивилизаций возможно не через отказ от собственной идентичности, а через её уверенное и рефлексивное закрепление при одновременной открытости к диалогу. На институциональном уровне это достигается сочетанием международных инструментов и национальных инициатив — например, рамок ЮНЕСКО по охране нематериального культурного наследия и государственной программы «Рухани жангыру» [8].

В конечном счёте казахстанская модель демонстрирует, что цивилизационное сосуществование как практическая и философская возможность требует не только культурного возрождения, но и его институциональной интеграции в политику и образование. Тогда идентичность становится ресурсом диалога, а не фактором конфронтации.

Такое определение напрямую согласуется с феноменологическим взглядом Абжанова на традицию как живой и динамичный процесс.

Рассмотрение данной проблемы позволяет заключить, что устойчивость традиционной казахской культуры и её духовных ценностей в современную эпоху обеспечивается не консервацией в неизменном виде, а способностью к динамическому и рефлексивному самопереосмыслению. В этом отношении казахстанский опыт выступает микрокосмом универсальной дилеммы: как, сохраняя

открытость космополитическому миру, одновременно утверждать и развивать собственную уникальность.

В конечном счёте путь Казахстана показывает, что глобализация — не только источник угроз, но и источник возможностей. Она побуждает культуры выйти из «спящего» состояния, пересмотреть свои основания и обозначить свою уникальность для себя и для всего мира. Этот процесс, особенно если за ним стоит государственная политика, связан с рисками и противоречиями. Тем не менее он открывает перспективы для подлинного культурного ренессанса.

Подводя итог, хотелось бы обратиться к главной мысли профессора Абжанова, служившей концептуальной осью всего исследования: духовная культура — не реликт прошлого, а «живая сила», которая в современности обновляется и ведёт общество в будущее. Эта формула содержит ключ к пониманию будущего традиции: её судьба не в слепом поклонении прошлому и не в полном отрицании, а в постоянном, сознательном и рефлексивном её восстановлении, в умении черпать из духовного наследия ответы на современные и наиболее актуальные вопросы. В непрерывном диалоге прошлого и будущего, локального и глобального заключается жизненная сила казахского духа в мире XXI века.

Список использованной литературы:

1. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. – М.: Праксис, 2011. – 343 с.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М. Л. Коробочкина. – М.: Весь мир, 2004. – 116 с.
3. Гидденс Э. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 256 p.
4. Абжанов Т. Ы. Феноменология казахского духа. – Караганды: Изд-во КарГУ, 2003. – 210 с.
5. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
6. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций? // *Foreign Affairs*. – 1994. – № 3. – С. 33–60. Пер. на рус. яз. опубликован в: *Россия в глобальной политике*. – 2003. – Т. 1, № 1. – С. 29–68.
7. Кукеева Ф. Т., Байзакова К. И., Усен М. А., Усерова К. Влияние новых геополитических условий на многовекторную внешнюю политику Казахстана // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». – 2023. – № 1 (109). – С. 94–109.
8. «Рухани жаңғыру» бағдарламасы туралы [Электронный ресурс]. – 2021. –16 июнь. GOV.KZ. Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/sko/halakyn/press/article/details/53143?lang=ru>

УДК 17.021.2

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Донецкая Наталья Александровна

Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е. А. Букетова,
старший преподаватель кафедры философии и теории культуры,
Караганда, Казахстан

Основополагающую роль в жизни человечества во все времена играла культура как совокупность духовных и материальных ценностей. Культура выражает определенный уровень развития данного общества и человека. В исследованиях Г. Зиммеля, культура – означает синтез субъективного развития и объективных духовных ценностей. «На основании первого глубинного дуализма, - а именно того факта, что человек не включается безусловно, подобно зверю, в естественную мировую заданность, но от нее отделяется, противопоставляет себя ей, требуя и борясь, одолевая ее и будучи одолеваем ею, - происходит завязывание бесконечного взаимодействия между субъектом и объектом. В середине этого дуализма пребывает идея культуры» [1, с. 344].

Растет интерес представителей различных слоев населения Казахстана к истории, традициям, духовной жизнедеятельности. В процессе социализации, начиная с детства и продолжает развиваться всю жизнь идентичность человека. Она не является раз и навсегда фиксированной – идентичность